

В. С. Наумова

Стихотворение Б. Лапина «Лето 1917»: русская рецепция немецкого экспрессионизма

Аннотация. Представитель группы «русских экспрессионистов» поэт-переводчик Б. Лапин в собственных переводах и стихотворениях, написанных под влиянием немецкого экспрессионизма, стремился воплотить идею всеобщего братства, к которому, по его мнению, вела Октябрьская революция. Стихотворение «Лето 1917» Б. Лапин публикует как перевод с немецкого языка из Теофиля Мюллера – вымышленного поэта-дадаиста. За этим стоит представление поэта о художественном переводе как о способе преодоления преград и непонимания между разными культурами, а также между представителями одного народа.

Ключевые слова: немецкий экспрессионизм, художественный перевод, творческая рецепция, русский экспрессионизм, русская поэзия, поэтическое творчество, стихотворения.

Экспрессионизм вошел в историю культуры как одно из наиболее значительных художественных явлений, обозначавших перелом в развитии мирового искусства на рубеже XIX-XX веков. Он оставил глубокий след в современном искусстве и продолжает до сих пор влиять на него. Как считал один из самых ярких представителей немецкого литературного экспрессионизма Г. Бенн: «Все, что в последнее время было интересного в искусстве – все идет от экспрессионизма» [Benn 1979: 251].

В наиболее полном и завершенном виде экспрессионизм состоялся в Германии и Австро-Венгрии и стал поистине интернациональным феноменом, ярко проявившимся в литературах многих стран Европы и Америки, в том числе и в России [Пестова 2009: 66-67].

В Советской России период с 1918 по 1925 был отмечен кратким, но интенсивным интересом к экспрессионистской культуре. В 1923 году был издан сборник статей по немецкому экспрессионизму под редакцией Е. М. Браудо и Н. Э. Радлова, а в 1922 году О. М. Котельникова перевела брошюру О. Вальцеля «Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890-1920)», вышедшую под редакцией В. М. Жирмунского. Уже годом раньше Ю. Тынянов в статье «Записки о западной литературе» (1921), отмечает всеобщее увлечение экспрессионизмом. В июле 1919 о своем существовании заявила поэтическая группа «Экспрессионисты» под руководством И. Соколова, тремя годами позже молодой поэт Борис Лапин выходит из состава группы и организует экспрессионистское поэтическое объединение «Московский Парнас», ко-

торое существовало до ноября 1925 года [Терехина: 3-5].

Важно отметить, что лирика немецкого экспрессионизма стала доступной советскому читателю благодаря художественным переводам, выполненным выдающимися поэтами-авангардистами: А. Луначарским, В. Нейштадтом, С. Тартаковым, Вл. Пястом, Г. Петниковым, Н. Эфросом и т.д. Однако в группе русских поэтов, именовавших себя экспрессионистами, художественным переводом занимался только Б. Лапин.

Имя Бориса Лапина мало знакомо не только читателям, но и литературоведам, несмотря на то, что книги его прозы и очерков переиздавались несколько раз. Б. Лапин – один из первых, кто начал заниматься переводами немецких экспрессионистов в России. Однако его перу принадлежит перевод только четырех стихотворений, изданных в сборнике «Московский Парнас» (1923). Это: «Конец мира» и «Город» Я. ван Ходдиса, «Дерево» Г. Гейма, «Битва при Саарбурге» А. Лихтенштейна. В него также входили стихотворения-мистификации, представленные как перевод с немецкого языка стихотворений поэта-дадаиста Теофиля Мюллера, и еще одно собственное стихотворение Лапина с эпиграфом из А. Эренштейна.

Борис Матвеевич Лапин (1905–1941) родился в Москве, в семье врача. Стихи начал писать довольно рано. Уже в Гражданскую войну юноша успел побывать на фронте – в 1920 году отец взял его с собой на передовую. Затем окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова в Москве и выступил в качестве руководителя авангардистской поэтической группы «Московский Парнас» (1922 год). В нее входили: Теодор Левит, Иван Аксенов, Евгений Габрилович, Варвара Монина [Belentschikow 1990: 196]. В эти годы Б. Лапин активно перенимал поэтический опыт В. Брюсова, В. Иванова, С. Боброва, знакомился с поэтами-имажинистами, часто посещал поэтическое кафе «Домино» на Тверской улице. Подобно многим поэтам-авангардистам 20-х годов XX века в своем творчестве Лапин совместил элементы европейского романтизма, русского футуризма и немецкого экспрессионизма.

В 1917 году первая мировая война продолжалась под знаком роста революционного движения во всех странах-участницах. Огромное влияние на дальнейший ее ход оказали революционные события в России в феврале 1917 года. Солдатские массы требовали мира, хлеба и свободы. Проанализируем стихотворение «Лето 1917» и ответим на вопрос, что же было столь симпатично русскому поэту в творчестве немецких поэтов-экспрессионистов и для чего он выдает собственное стихотворение за перевод из немецкого поэта-дадаиста Теофиля Мюллера.

Лето 1917

На один поворот головы,
Под лишенным крови взглядом,
На каску неба – железный крест –
Где защитный фронт
(Отрубленная голова сигары)
– Эмма, письмо –
Голубой окоп, шипы и поле,
Байонетки маленький поворот
– «штык, стук»,
Братья! красные флаги,
Русские выбегают с небосклона,
Протягивают руки, как на кресте,
И – дымок убитой сигары
Подымается к большому небу
Братья, мир
[Цит. по: Терехина 2005: 147].

Стихотворение содержит попытку максимального сближения двух враждующих сторон – Германии и России. Б. Лапин обозначает собственное стихотворение как перевод с немецкого языка из Теофиля Мюллера и ведет повествование от лица лирического героя, находящегося на стороне Германии. Стихотворение пронизано идеей сближения двух народов и двух культур, христианского примирения и братства. Противники находятся друг от друга всего лишь «на один поворот головы», а «лишенный крови взгляд», то есть мертвый взгляд, скользит сверху вниз. Сначала он падает «на каску неба», потом на «железный крест», а затем на защитный фронт.

На каску неба – железный крест – / Где защитный фронт

Эти строки можно понимать двояко. Каска, железный крест (военная награда), защитный фронт – являются атрибутами войны, воспринятой с точки зрения немецкого солдата. Однако «небо и крест» могут быть поняты и как атрибуты христианства.

Б. Лапин стремится подражать поэтам немецкого экспрессионизма и активно использует стиль монтажа, сопоставляя образы, на первый взгляд не связанные между собой.

Неожиданно возникает строка в скобках «(Отрубленная голова сигары)» которая говорит о том, что лирическое «я» становится невольным свидетелем чьей-то смерти, тело с отрубленной головой похоже на дымящуюся сигару.

Реплика: «Эмма, письмо» является будто бы проекцией в будущее, предстоящим сообщением о смерти. Имя Эмма немецкого происхождения и имеет значение «единый, всеобщий», что в данном контексте

способствует сближению. Лирическое «я» все ближе к границе между враждующими армиями. Оно подходит к самой разделительной черте. И вновь идет перечисление, которое можно трактовать двояко: «Голубой окоп, шипы и поле».

Это атрибуты войны. Однако голубой цвет окопа мешает автоматическому восприятию образного ряда. Голубой цвет в христианской традиции – это символ вечности, покорности Божьей воли и смирения. Шипы подобны терновому венцу Христа.

Слово «байонетка» не существует в русском языке, это – транслитерация немецкого слова «das Bajonett» (штык). «Байонетка» поворачивается и будто бы «проецируется» на другую сторону, возникает слово «штык, стук», написанное русскими и латинскими буквами.

В этом месте две враждующие стороны, как и два языка, сливаются воедино, что приводит к развязке – примирению.

В христианском стремлении к братству русский народ подобен мученику, Христу, распятому на кресте. «Русские» словно посланы богом, так как «выбегают с небосклона». «Красные флаги» – это не только символ революции, пролитой крови, но и символ жизни, огня веры. Строки «И – дымок убитой сигары / поднимается к большому небу» ассоциируются с вознесением на небо Иисуса Христа после земных страданий за человечество.

Б. Лапин создает якобы перевод, то есть одно стихотворение на две культуры, в котором множество общих для двух наций вещей: одна война, одно небо, штыки, общая смерть, единая христианская религия, единый бог. «Небо, братья, штык, поворот, сигара» намеренно повторяются в тексте стихотворения. Оно будто бы балансирует между двумя культурами, ведь перевод – есть повторение исходного слова на иностранном языке. Реалию «защитный фронт» Б. Лапин заимствует у А. Лихтенштейна и переводит ее дословно (А. Лихтенштейн «Битва при Саарбурге»: «Ich liege gottverlassen im knatternden Schützenfront») [Цит. по: Терехина 2005: 317].

Стихотворение иллюстрирует то, как Б. Лапин понимал собственную задачу в поэзии. Назвав себя экспрессионистом, он стремился сблизить две культуры, два народа, указать на общее, а не различное. Это общее он видит, прежде всего, в христианской религии и революционных призывах к братству. Для интерпретации этого стихотворения большое значение имеет то обстоятельство, что Лапин публикует его как перевод. Возможно, за этим стоит представление о переводе как способе преодолеть преграды и непонимание между народами, поэтому необходима мистификация, вымышленный немецкий автор оригинального стихотворения.

Здесь важно отметить, что вымышленный поэт-дадаист Теофиль Мюллер, за которого выдает себя Борис Лапин, – это культурно-

поэтический синтез, который несложно расшифровать. Фамилия Мюллер содержит в себе ссылку на немецкого поэта-романтика Вильгельма Мюллера, автора слов к народным песням и ярого сторонника Греции в борьбе с турецкими захватчиками. Теофиль – это имя французского поэта Теофиля Готье. Готье стремился противопоставить собственное творчество поэтике устаревшего романтизма. Шарль Бодлер считал именно Теофиля Готье «волшебником французского слова» и посвятил ему сборник стихотворений «Цветы зла». Таким образом, в сочетании имени и фамилии уже заложены переход от романтизма к символизму, а также борьба за свободу и независимость. Важно отметить, что немецкий романтизм и немецкий экспрессионизм имеют множество общих черт, наиболее значимые из которых – внимание не к окружающей действительности, а к внутреннему субъективному миру художника и борьба с великим злом. От романтизма через символизм Б. Лапин перекидывает «мостик» к экспрессионизму, называя вымышленного поэта дадаистом. Это происходит в данном случае еще, вероятно, и потому, что дадаизм возник как реакция на последствия Первой мировой войны. Дадаизм имел антивоенную и антибуржуазную направленность, примыкая к левым коммунистическим течениям. Общеизвестно, что дадаизм и экспрессионизм очень близки между собой, ведь период их активности выпал практически на одно и то же время, они зародились по схожим причинам, а многие немецкие поэты были связаны с этими двумя направлениями. Вымышленный автор стихотворения является некой зашифрованной родословной немецкого экспрессионизма, она указывает на его основные литературные источники. Таким образом, уже именем вымышленного автора Борис Лапин стремится сказать многое. Он подчеркивает бессмысленную жестокость войн, выдвигает на первый план внутренний мир субъективных переживаний, что видно из самого стихотворения, выстроенного как некий поток сознания.

После фамилии и имени автора Б. Лапин делает еще одну приписку: «Из книги “Galgenbuch” изд. „Martall“» [Цит. по: Терехина 2005: 147]. Разумеется, и книга, и издательство полностью вымышлены. Название книги “Galgenbuch” содержит явную отсылку к поэтическому сборнику Кристиана Моргенштерна «Песни висельника» “Galgenlieder”, который, в свою очередь, может считаться предшественником немецких поэтов-дадаистов, к числу которых Борис Лапин относит Теофиля Мюллера. Моргенштерн и дадаисты под влиянием философии Ф.Ницше боролись с буржуазностью во всех ее проявлениях. «Песни висельника» выступают против косного, стандартного мышления. Вымышленное издательство «Martall» обязано фактом своего возникновения действительно существовавшему немецкому журналу «Der Marstall», который публиковал произведения поэтов дадаи-

стов, программные документы дадаизма и критические статьи. Первый выпуск 1920 года начинается статьёй: «Против буржуа» Вильгельма Михеля. В том же выпуске мы видим такие статьи как: «История дадаизма», «Дадакратия», «Кто такой дадаист?».

Таким образом, та небольшая характеристика, которая заложена в имени вымышленного поэта, скромные данные о якобы написанной им книге, позволяют еще раз убедиться в антивоенном и, вместе с тем, прореволюционном характере стихотворения «Лето 1917».

Литература

Пестова Н. В. Случайный гость из готики. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 297 с.

Терехина В. Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика. – Москва: Издательство ИМЛИ, 2005. – 540 с.

Belentschikow V. Russland und die deutschen Expressionisten 1910. – Frankfurt am Main: Lang, 1990. – 230 s.

Benn G. Expressionismus / G. Benn // В. G. Werke: In 4 Bd. Bd 1: Essays. Reden. Vorträge. 4. Aufl. – Wiesbaden: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979. – 311 s.